
DOI: 10.15826/qr.2015.1.091

УДК 94(470):327(075.8)

Сергей Красильников

Иван Кузнецов

О НОВОЙ ВЕРСИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Рец. на: *Кагарлицкий Б. Ю. История России :*

Миросистемный анализ : учебное пособие /

Б. Ю. Кагарлицкий, В. Н. Сергеев. – М. : Librokom, 2014. – 432 с.

Sergey Krasilnikov

Ivan Kuznetsov

ON A NEW VERSION OF RUSSIAN HISTORY

Review of Kagarliczkij, B. Yu. & Sergeev, V. N. (2014). *Istoriya Rossii: Mirosistemny'j analiz: uchebnoye posobie* [Russian History: World-System Analysis: a Manual]. 432 p.

Moscow: Librokom.

The author analyzes *A History of Russia: A World-Systems Analysis*, a textbook by B. Yu. Kagarliczkij and V. N. Sergeev. It is noted that in their interpretation of Russian history, the authors of the book rely on academician Mikhail Pokrovsky's concept that prevailed in Soviet historiography until the 1930s. The textbook recognizes all the principles of the concept including the constitutive role of commercial capital in the historical processes of the country. Referring to the pattern put forward by M. N. Pokrovsky, the authors consider the main processes of Russian history, such as the introduction of serfdom, Peter I's reforms, and the modernization of the country in the second half of the 19th – early 20th centuries. However, the world-systems analysis used by the authors is quite often merely declarative and is not substantiated by factual material. Nor does the book take into account the geopolitical context of the establishment and development of the Saint Petersburg empire; additionally, it ignores the problem connected with the preservation and consolidation of the state's independence, and the military-defense factor. The description of the Soviet period is even more schematic as it quite often overlooks the influence of intersystem factors.

Key words: external economic relations; world-systems analysis; intersystem factors; national modernization; M. N. Pokrovsky; commercial capital.

Анализируется учебное пособие Б. Ю. Кагарлицкого и В. Н. Сергеева «История России: Миросистемный анализ». Отмечается, что в своей интерпретации отечественной истории авторы руководствуются концепцией академика Михаила Покровского, которая господствовала в советской историографии до середины 1930-х гг. В книге признаются все основные постулаты этой концепции, включая определяющую роль торгового капитала в отечественном историческом процессе. В соответствии со схемой М. Н. Покровского в учебном пособии рассматриваются такие важнейшие процессы российской истории, как утверждение крепостного права, реформы Петра Великого, модернизация страны во второй половине XIX – начале XX в. Однако применяемая авторами методология «миросистемного анализа» нередко носит декларативный характер, не подкрепляется соответствующим фактическим материалом. В книге недостаточно учитывается геополитический контекст в процессе становления и развития Петербургской империи, игнорируются проблема сохранения и укрепления государственной независимости, военно-оборонительный фактор. Еще более схематический характер, зачастую без учета действия внутрисистемных факторов, носит изложение событий советского периода.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи, миросистемный анализ, внутрисистемные факторы, отечественная модернизация, М. Н. Покровский, торговый капитал.

Предметом анализа в данной статье является книга Б. Ю. Кагарлицкого и В. Н. Сергеева «История России: Миросистемный анализ», позиционированная в качестве учебного пособия [Кагарлицкий, Сергеев]¹. Особое внимание к данному изданию обусловлено прежде всего теми фундаментальными задачами, которые поставили перед собой его авторы. Они претендуют на создание новой версии отечественной истории, категорически противопоставляя ее существующим подходам. В аннотации книги утверждается: «Большая часть учебной литературы по истории вместо того, чтобы внести логическую ясность, только запутывает читателя отсылками на особенности “цивилизации” или природно-климатические факторы». В противовес этому, авторы, как они утверждают, основываясь на методологии «миросистемного анализа», «не просто объясняют факты, а раскрывают причинно-следственные связи и помещают отечественные события в контекст мировой истории».

¹ Ниже отсылки к страницам этого издания приводятся в круглых скобках.

К внимательному разбору данного труда побуждает и тот резонанс, который его появление вызвало в определенных читательских кругах. Ни одна книга по истории из числа вышедших за последние годы, пожалуй, не спровоцировала такого количества откликов в Интернете. Среди них фигурируют такие оценки: «новое слово», «выдающееся достижение», «пока нанятые властью историки разрабатывают концепцию единого учебника истории», названное учебное пособие «позволяет внести ясность в отечественное прошлое и настоящее» и т. п.

Что касается концептуальных ориентиров, то в рассматриваемой книге всем существующим в настоящее время версиям российской истории в качестве наиболее приемлемой противопоставляется концепция академика Михаила Покровского. Напомним, что она господствовала в советской историографии до середины 1930-х гг., а затем по команде Сталина была отвергнута и ошельмована. Авторы принимают все известные постулаты этой концепции, включая определяющую роль торгового капитала в отечественном историческом процессе. В том числе они одобряют и знаменитую формулу М. Н. Покровского «самодержавие – торговый капитал в шапке Мономаха».

Схема М. Н. Покровского красной нитью проходит через всю книгу, является своего рода «путеводной звездой» при анализе рождения и эволюции российской государственности. Не будем утомлять читателя перечислением соответствующих положений книги, относящихся к ранним векам отечественной истории. Для понимания общей логики российского исторического процесса особое значение имеют воззрения авторов учебного пособия на его Московский и Петербургский периоды. Здесь концепция М. Н. Покровского проводится наиболее последовательно, особенно при анализе происхождения крепостнической системы.

Соответствующие положения сконцентрированы в главе VI, имеющей название «Периферийная империя» (с. 145–176). Вслед за М. Н. Покровским авторы объясняют утверждение крепостного права в нашей стране развитием экспортного зернового хозяйства: «Рост производства товарного зерна идет рука об руку со становлением крепостничества» (с. 149). Согласно их версии, динамика данного процесса выглядела следующим образом: «...был ли объем экспорта зерна в XVI в. настолько велик, чтобы влиять на внутренние экономические и социальные отношения? Даже вывоз крупных партий зерна в голодном 1571 г. был скорее предвестием явления, которое наберет силу в будущем, и не мог оказать влияние на социально-экономические отношения. Однако уже в XVII в... зерновой экспорт систематически увеличивается».

Следуя М. Н. Покровскому, авторы рассматривают крепостническую экономику как выражение капиталистического развития, руководствуясь тем его суждением, что «плантация есть явление капиталистического хозяйства, а не феодального». По их утверждению, крепостничество, как и рабство в Америке, «стимулирует развитие ры-

ночных отношений и предпринимательства» (с. 150). В рассматриваемой книге декларируется: «В отличие от средневекового феодального поместья, североамериканские плантации и русское крепостническое хозяйство XVII–XIX веков было тесно связано с рынком. Производство здесь носило изначально коммерческий характер» (с. 161).

Во времена М. Н. Покровского, когда изучение «позднефеодальной» России только начиналось, такого рода суждения казались убедительными, в свете же последующей историографии они представляются по меньшей мере односторонними и спорными. В ряде фундаментальных трудов, в частности у И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова [Ковальченко, Милов; Милов, Булгаков, Гарскова], показан преимущественно натуральный характер российской экономики в период складывания крепостной системы. Рядом авторитетных исследователей ее утверждение в нашей стране связывается прежде всего с социально-политическими императивами (развитие служилого землевладения, в свою очередь обусловленное военно-государственными факторами).

Вполне в духе М. Н. Покровского в рассматриваемой работе интерпретируются и реформы Петра Великого, становление Петербургской империи. Главу VII «Петровские преобразования» (с. 176–197) авторы начинают с утверждения: «Официальная литература (как царского периода, так и при Сталине) видела Петра Великого преобразователем и борцом с отсталостью» (с. 176).

Сложный вопрос о предпосылках и значении Петровских реформ авторы в очередной раз решают цитатой М. Н. Покровского: «Ключ к петровской реформе приходится искать, в конечном счете, в условиях европейской торговли XVII века» (с. 177). В учебном пособии безапелляционно утверждается: «Именно потребности складывавшейся мировой экономики, а не амбиции Петра или некий абстрактный “государственный интерес” толкали Россию и Швецию к смертельной схватке на Балтике» (с. 185).

Разумеется, общее положение о существенной роли внешнеэкономических императивов в политике Петра Великого не вызывает возражений. Однако в рассматриваемом тексте оно носит декларативный характер, не подкрепляется соответствующим фактическим материалом. Кроме того, говоря о процессе становления и развития Петербургской империи, вряд ли стоит упускать из виду более широкий геополитический контекст. Между тем авторы, вслед за М. Н. Покровским, абсолютизируя внешнеэкономические детерминанты, совершенно игнорируют проблему сохранения и укрепления государственной независимости, военно-оборонительный фактор.

Так, очень напоминает суждения М. Н. Покровского их высказывание о противостоянии России с Наполеоном I: «Война 1812 г. стала ключевым национальным мифом и во многих отношениях поворотным пунктом русской истории. С самого начала эта война воспринималась как Отечественная – иными словами, речь шла о спасении

родины от иноземного завоевания. Однако вторжение французов вовсе не преследовало цели завоевания России» (с. 232). Как и М. Н. Покровский, мимоходом касаясь событий 1812 г., авторы преподносят их лишь в качестве эпизода англо-французского соперничества.

Обращаясь далее к такому судьбоносному событию отечественной истории, как отмена крепостного права, авторы опять-таки руководствуются следующей мыслью М. Н. Покровского: «Крестьянская “свобода” была прямым ответом на высокие хлебные цены, установившиеся в Западной Европе с сороковых годов» (с. 270). Такого рода версия в свете современных исследований представляется односторонней, не учитывающей весь сложный комплекс социально-экономических и геополитических факторов, обусловивших крестьянскую реформу 1861 г.

Таковыми же излишне категоричными и недостаточно подкрепленными фактами выглядят утверждения авторов о ходе и итогах развития страны в 1861–1917 гг. В рассматриваемой книге по этому поводу говорится: «...многие историки подчеркивают высокие темпы роста в России 90-х гг. и накануне Первой мировой войны, пытаясь доказать, что капиталистическое развитие шло вполне успешно, а “догнать” Запад помешала лишь война и последовавшая за ней революция», – особо отмечается, что на самом деле усиливалась «зависимость от экспорта, от иностранной технологии, займов, капиталовложений» (с. 290–291). Сравнивая модернизацию России и Японии, авторы утверждают: «Самоизоляция оказалась для Японской империи настолько же эффективной стратегией, насколько неудовлетворительными для самого русского общества оказались итоги модернизации, принятой Петербургской империей» (с. 196).

Без всяких комментариев авторы приводят и такой тезис, сформулированный М. Н. Покровским в 1913 г. в его наиболее обобщающей работе «Русская история с древнейших времен»: «Торговый капитализм шел к нам с Запада; мы уже тогда были для Западной Европы той колонией, характер которой во многом мы сохранили доселе» (с. 194).

Приведенные оценки нуждаются в более серьезном обосновании, в том числе принимая во внимание наличие в современной историографии альтернативных мнений. Напомним, что в работах одного из наиболее авторитетных современных исследователей имперской России Б. Н. Миронова доказывается, что в XIX – начале XX в. Россия переживала успешную буржуазную модернизацию, поэтому не существовало объективных условий для революции. Последняя явилась прежде всего результатом политико-культурных факторов, в незначительной степени была обусловлена действиями «беспочвенной» интеллигенции [Миронов, 2003; Миронов, 2012]. Противоположную позицию о «системном кризисе» в России начала XX в. отстаивает, в частности, А. В. Островский [Островский].

Конечно, авторы рассматриваемого учебного пособия вправе принять любую из обозначенных точек зрения на столь фундаменталь-

ную и сложную проблему, однако при этом следовало бы обозначить наличие альтернативных подходов и более основательно аргументировать свою позицию.

Весьма характерно, что в книге также воспроизводится версия М. Н. Покровского о преимущественной вине царской России в развязывании Первой мировой войны. Авторы утверждают: «...для России, отстававшей в экономическом развитии от своих более динамичных соперников, но все еще сохранявшей серьезную военную силу, выгодно было именно приблизить конфликт. Агрессивное поведение русского правительства на Дальнем Востоке в 1904 г., приведшее к столкновению с Японией, а затем на Балканах в 1912 и 1914 годах, обострение отношений с Австро-Венгрией, ставшее, в конечном счете, толчком к мировой войне, – это были отнюдь не случайные ошибки царской дипломатии» (с. 332). Несомненно, декларируемая версия является излишне категоричной и односторонней.

Если до событий Первой мировой войны и революций 1917 г. рассматриваемый текст концептуально выдержан в парадигме М. Н. Покровского, то дальше начинается «зона ответственности» самих авторов пособия. И здесь нетрудно заметить, что его относительная цельность и логичность снижаются на целую ступень. Период отечественной истории с 1917 г. и как минимум до конца сталинской эпохи излагается под очевидным влиянием характерных для того времени взглядов Л. Д. Троцкого и, шире, «левой оппозиции» на ход отечественной истории. Об этом, в частности, свидетельствует подстрочник данного раздела, где цитируются соответствующие источники и излагаются взгляды А. В. Шубина (историка и публициста, одного из идеологов левого движения в современной России). Хотели того авторы или нет, но применительно к раннесоветскому и сталинскому периодам произошел отказ от марксистской версии в духе М. Н. Покровского в пользу однозначных леворадикальных интерпретаций.

При этом звучащие в соответствующих разделах рецензируемого пособия утверждения об обусловленности происходивших событий мирохозяйственными процессами нередко носят декларативный характер. Так, читаем: «...и сама революция, и приход к власти большевиков и их союзников, были следствием кризиса миросистемы и краха российских элит, вписанных в эту систему» (с. 333). Далее говорится, что большевики «в отличие от своих буржуазных предшественников отлично осознавали ограниченность и неэффективность всех предыдущих попыток модернизации. Не провались эти попытки, большевики никогда не пришли бы к власти» (с. 340). Оба этих положения заслуживали конкретного обоснования, чего как раз и не обнаруживается.

Еще один важный момент. Учебное пособие, даже если оно позиционировано как излагающее целостную «миросистемную концепцию», нацеленную на анализ динамики взаимодействий и взаимовлияний мировых процессов на Россию и обратную связь страны

с миропорядком, не должно иметь очевидных диспропорций в изложении отдельных аспектов указанных взаимодействий. В частности, такие очевидно ключевые и для российской/советской, и для мировой истории события, как эпоха войн и революций (1914–1922) и Вторая мировая война, частью которой являлась Великая Отечественная, не заслуживают той предельной «минимизации» изложения, которой их удостоили авторы. Ведь Россия даже в самые драматические периоды своей истории не «выпадала» из «миропорядка», оставаясь одним из важнейших акторов мировых событий. Кроме того, в 1918–1922 гг. отнюдь не все территории и не всегда были охвачены политикой «военного коммунизма», к изложению которой авторы фактически свели события Гражданской войны, – значительные территории находились под властью антибольшевистских режимов либо вообще оказывались неподконтрольными никаким институциональным структурам. Что же касается территорий от Забайкалья до Приморья, то в 1920–1922 гг. там вообще существовала «другая жизнь» – от форм политического устройства до экономических систем.

На наш взгляд, авторы в стремлении выразить свои мысли емко и броско, нередко даже излишне публицистично, идут путем упрощения, не очень утруждая себя логикой и доказательностью порой даже общепринятых положений. Приведем только некоторые из многочисленных промежуточных и итоговых оценок. Говоря о социальной базе большевизма, авторы вначале отсылают читателей к тезису о том, в России «марксисты находили поддержку у наиболее современной части низов – промышленных рабочих в крупных городских центрах, городской интеллигенции». Затем, переходя к событиям после 1917 г., утверждают, что «большевики были партией города, их власть была не столько “диктатурой пролетариата”, направленной против поверженной буржуазии, сколько диктатурой города над деревней» (с. 334).

Здесь многое имеет спорный характер. Вряд ли историки вслед за авторами пособия отнесут интеллигенцию (городскую ли, сельскую ли) к «низам», да и сам пролетариат с точки зрения социальной стратификации являлся более сложным образованием, чтобы его всецело можно было причислить к выше названным «низам». Современные (и даже советские) исследования определенную часть квалифицированных рабочих и тем более значительную часть интеллигенции революционного и постреволюционного времени относят все же к социальной базе других социалистов (социал-демократов и социалистов-революционеров), а отнюдь не большевиков.

Тот же до предела упрощенный тезис (город против деревни) приводится и при подведении итогов Гражданской войны: «По сути, Гражданская война в 1918–1921 годах велась не только и не столько между красными и белыми, сколько между городом и деревней... Большевиков спасло то, что белогвардейские лидеры, не имея четкого представления о происходящих в деревне процессах и пытаясь восстановить при-

вилегии старых правящих слоев, также оттолкнули от себя крестьян. Из двух зол деревня выбрала меньшее и к концу 1919 года в основном перешла на сторону изрядно поумневших большевиков» (с. 336). Сказанное находится в очевидном диссонансе не только с новейшими исследованиями завершающего периода Гражданской войны, который продлевается вплоть до 1922 г. и представлен масштабными антибольшевистскими мятежами и восстаниями в различных регионах страны и жесточайшими репрессиями «изрядно поумневших большевиков» против крестьянства, но и с оценками самих большевистских лидеров, подчеркивавших вынужденность уступок крестьянству (они говорили в данном контексте о «крестьянском Бресте»).

В дальнейшем изложении динамики и векторов изменения ситуации в стране в межвоенный период (1920–1930-е гг.) прослеживается все та же тенденция к упрощенному объяснению происходивших событий прежде всего через призму торгово-экономических факторов (влияние мировой экономики на советскую и маневры политического руководства страны с целью не только сохранить, но и укрепить экономическую независимость СССР). То, что такого рода анализ важен и полезен, возражать не приходится. Несогласие с авторами возникает тогда, когда в их работе обнаруживается недооценка ряда других, внеэкономических, внутрисистемных для страны детерминант. Речь, в частности, идет о факторах: доктринально-политическом (в какой мере и каким образом идеология и политика влияли на разработку и корректировку экономического курса); социоструктурном (тенденции, протекавшие в социальной сфере, механизмы и векторы социальной мобильности, масштабы и характер миграционных процессов, последствия маргинализации значительной части населения страны); охранительно-репрессивном (стремление не только к удерживанию власти, но и к ее экспансии на весь советский социум); ментально-поведенческом и др. Объяснять сталинскую антикрестьянскую политику экономическими детерминантами правомерно, но подобное объяснение будет очевидно «одномерным». Безусловно, феномен репрессивного раскрестьянивания начала 1930-х гг., в том числе в форме так называемого раскулачивания, был подготовлен всем комплексом факторов, перечисленных выше. Огосударствление аграрного сектора экономики – создание колхозно-совхозной системы – также вряд ли правомерно объяснять лишь внешнеэкономическими факторами, а именно к ним авторы зачастую и сводят свой «миросистемный анализ».

Следует отметить, что при изложении событий советской истории рецензируемое учебное пособие нередко грешит неточностями, порой грубыми анахронизмами. Так, рассматривая предпосылки сталинского «великого перелома» на рубеже 1920–1930-х гг., авторы в очередной раз связывают его с мирохозяйственной ситуацией: «Новая экономическая политика потерпела крушение, не выдержав испытания Великой депрессией... Если в 1928 г. чрезвычайные меры

все же применялись ограниченно и выборочно, то в 1929 г., на фоне уже наступившей мировой депрессии, советское руководство вынуждено было прибегнуть к массовому изъятию зерна и “раскулачиванию” хозяев, работавших на частный рынок... Еще летом 1928 г. Сталин писал, что “нельзя бороться с кулачеством путем раскулачивания”, а разговоры об отмене новой экономической политики “являются контрреволюционной болтовней”. Однако уже осенью ситуация изменилась кардинально. Нужно было что-то срочно придумать. И решение было найдено: “сплошная коллективизация”» (с. 347).

В связи с этим напомним, что глобальный экономический кризис, ставший прологом «великой депрессии», разразился осенью 1929 г., сама же «великая депрессия» относится уже к 1930-м гг. Что касается политики «сплошной коллективизации и раскулачивания», то о ней впервые было сказано в статье Сталина «Год великого перелома» (7 ноября 1929 г.), а соответствующие партийно-государственные директивы появились в начале 1930 г. Так что прямо связывать переход к этой политике с «великой депрессией» вряд ли правомерно, хотя взаимосвязь между сталинской политикой раскрестьянивания и мировой экономической ситуацией, безусловно, прослеживается – это убедительно установлено в работе: [Кондрашин].

Справедливости ради нельзя не признать, что в рассматриваемой книге приводятся некоторые интересные данные о месте России/СССР в системе мирохозяйственных связей межвоенного времени. Впрочем, здесь же наблюдаются и крайности. Нельзя не заметить, с какой тщательностью описываются без малого на десяти страницах условия и результаты осуществления экспортно-импортных операций в годы мирового экономического кризиса, в том числе с привлечением первоисточников (документы Российского государственного архива экономики – РГАЭ). Между тем при обращении к такого рода данным было бы целесообразно использовать табличные формы (в пособии они вообще отсутствуют!). В частности, публикация таблицы о динамике внешнеторгового баланса СССР за 1920–1930-е гг. с комментариями к ней была бы в методическом плане весьма полезной.

Авторы только в конце главы XIII «Становление советской государственности» задались наконец вопросом о том, «насколько социалистической является сложившаяся в СССР система». Ответ на него впечатляет: «Совершенно очевидно, что элементы социализма, порожденные революцией, продолжали существовать и развиваться в советском обществе вплоть до его крушения в 1991 году. Но отсюда еще не следует, будто в СССР была построена “социалистическая система”, как утверждала партийная пропаганда» (с. 345, 347). Сами авторы, впрочем, в ходе изложения реальных событий оговариваются, что советская экономическая модель одним только фактом своего огосударствления автоматически не становилась социалистической, имела характер нерыночной, «закрытой экономики» (с. 364–365). Однако, если вслед за авторами пособия применять марксистскую терми-

нологию к анализу советской экономики 1930-х – середины 1950-х гг., т. е. к сталинской эпохе, то без труда обнаружим в ней пресловутую многоукладность – ярко выраженную подсистему принудительного труда, пронизывающую все секторы экономики; в государственном аграрном секторе найдем мелкотоварное производство в виде личного подсобного хозяйства сельских жителей; обнаружим «теневую экономику» в государственном индустриальном и торговом секторах и т. д. Вопросы о природе, структуре и тенденциях советской экономики крайне сложны и дискуссионны, и здесь было бы разумным и правильным вводить студентов, на которых рассчитано пособие, в суть различных подходов и концепций, существующих на этот счет, а не останавливаться на «полуответах» о сохранении в экономике «элементов социализма».

В целом рецензируемое учебное пособие полезно в плане исторической критики как своего рода интеллектуальный вызов фактографическим учебным изданиям, которые страдают однобокостью «государственноцентричности». Вместе с тем попытка дать объективную картину событий в формате «внешнеэкономического детерминизма» предсказуемо приводит к той же одномерности, обладающей, впрочем, определенной ценностью как очередная версия исторической реконструкции места и значения нашей страны в окружающем ее мире.

Список литературы

- Кагарлицкий Б. Ю., Сергеев В. Н.* История России: Миросистемный анализ: учебное пособие. М.: Librokom, 2014. 432 с.
- Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX в. М.: Наука, 1974. 414 с.
- Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг.: Трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
- Милов Л. В., Булгаков М. В., Гарскова И. М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII в.: историография, компьютер, методы исследования. М.: МГУ, 1986. 303 с.
- Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революция в имперской России: XVIII – начало XX в. 2-е изд., испр. и доп. М.: Весь мир, 2012. 848 с.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 583 с.
- Островский А. В.* Существовал ли системный кризис в России в начале XX в. (Критика концепции Б. Миронова) // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 124–135.

References

- Kagarliczkij, B. Yu. & Sergeev, V. N. (2014). *Istoriya Rossii: Mirosistemnyj analiz: uchebnoe posobie* [Russian history: World-system analysis: a manual]. Moscow: Librokom.
- Kondrashin, V. V. (2008). *Golod 1932–1933 gg.: Tragediya rossijskoj derevni* [The famine of 1932–1933: the Tragedy of the Russian village]. Moscow: ROSSPE'N.
- Koval'chenko, I. D. & Milov, L. B. (1974). *Vserossijskij agrarnyj ry'nok XVIII – nachala XX v.* [All-Russian agricultural market of the 18th – early 20th century]. Moscow: Nauka.
- Milov, L. V., Bulgakov M. V. & Garskova I. M. (1986). *Tendencii agrarnogo razvitiya Rossii pervoj poloviny' XVII v.: istoriografiya, komp'yuter, metody' issledovaniya* [Trends

in agricultural development in Russia in the 1st half of the 17th century: historiography, computer, research methods]. Moscow.

Mironov, B. N. (2003). *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social History of Russian Empire period (18th – early 20th century)]. (Vols. 1–2). 3rd ed. (Vol. 2). Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin.

Mironov, B. N. (2012). *Blagosostoyanie naseleniya i revolyuciya v imperskoj Rossii: XVIII – nachalo XX v.* [Welfare and revolutions in Imperial Russia: the 18th – early 20th century]. 2nd ed. Moscow: Ves' mir.

Ostrovskij, A. V. (2014). Sushhestvoval li sistemny'j krizis v Rossii v nachale XX v. (Kritika koncepcii B. Mironova) [Was there a systemic crisis in Russia early 20th century. (Critics of B. Mironov)]. *Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'*, 2, 124–135.

The article was submitted on 27.01.2015

Сергей Александрович

Красильников

д. и. н., профессор,
Новосибирский государственный
университет,
ведущий научный сотрудник Ин-
ститута истории
Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия
krass49@gmail.com

Sergey Krasilnikov

Dr., Professor,
Novosibirsk State University,
Leading Researcher,
Institute of History of the
Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
krass49@gmail.com

Иван Семенович Кузнецов

д. и. н., профессор,
Новосибирский государственный
университет,
Новосибирск, Россия
ivan-kuz@list.ru

Ivan Kuznetsov

Dr., Professor,
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
ivan-kuz@list.ru